

DOI 10.15826/izv2.2023.25.1.005
УДК 070.1:316.454.5 + 327.54 + 321.6/.8 +
+ 004.4'27 + 81'373.218

В. М. Амиров
Т. А. Глебович
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ИДЕОЛОГЕМА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»: АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВАХ

Статья посвящена анализу аспектов функционирования идеологемы «холодная война» в медиатекстах двух исторических периодов. Обострение политических отношений между коллективным Западом и Россией вновь ставит на повестку дня актуальность термина «холодная война», вошедшего в лексику советских СМИ после окончания Второй мировой войны и все чаще применяемого журналистами для характеристик текущих политических процессов.

Примененные для исследования практик использования идеологемы «холодная война» методика структурно-тематического анализа, а также элементы контент-анализа позволяют выявить и охарактеризовать особенности использования этой идеологемы в современных российских политических медиатекстах. Оригинальным приемом, примененным для доказательства выводов статьи, стало сопоставление журналистских практик по использованию идеологемы «холодная война» в двух исторических периодах: советском и российском (с 2014 г. до наших дней).

Теоретической основой статьи стали исследования известных отечественных ученых, анализ проводился с опорой на разработку основной проблемы в филологических трудах.

Эмпирической базой статьи послужили более 500 публикаций советских и российских СМИ — «Советская Россия», «Независимая газета», «Ведомости», «Труд», «Новая газета», «Красная звезда», «Известия», «Комсомольская правда», «Правда», ИА «РЕГNUM», в которых нашла применение идеологема «холодная война».

В результате исследования нам удалось показать различия в практике применения идеологемы и показать обусловленность этих различий, а также определить советский этап использования идеологемы «холодная война» как «репрезентационный», а в российском — показать существенное расширение и изменение функционала идеологемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политика; «холодная война»; противостояние; кризис; идеологема; медиа; журналистика; контент

Ц и т и р о в а н и е: Амиров В. М., Глебович Т. А. Идеологема «холодная война»: аспекты функционирования в историческом и современном медиапространствах // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 80–95. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.005>

Поступила в редакцию: 13.12.2021

Принята к печати: 26.01.2023

Valery M. Amirov
Tatiana A. Glebovich
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

“COLD WAR” IDEOLOGEME: ASPECTS OF FUNCTIONING IN HISTORICAL AND MODERN MEDIA SPACES

This article analyses aspects underlying the functioning of the “cold war” ideologeme in the media texts of two historical periods. The aggravation of political relations between the collective West and Russia actualises the concept of “cold war” which entered the lexicon of the Soviet media after the end of World War II and is being increasingly used by journalists to characterise what is happening today.

The methodology of structural and thematic analysis employed to study the practices of functioning of the ideologeme “cold war”, as well as elements of content analysis make it possible to identify and characterise the features of the use of this ideologeme in modern Russian political media texts. What makes this study original is the approach the authors use to substantiate the conclusions of the article comparing the journalistic practices of using the ideologeme “cold war” in two historical periods: Soviet and Russian (from 2014 to the present).

The theoretical basis of the article is the research of renowned Russian scholars, and the analysis is based on the development of the topic in papers on philology.

The empirical basis formed for the article includes more than 500 publications of the Soviet and Russian media from *Sovetskaya Rossiya*, *Nezavisimaya Gazeta*, *Vedomosti*, *Trud*, *Novaya Gazeta*, *Krasnaya Zvezda*, *Izvestia*, *Komsomolskaya Pravda*, *Pravda*, and *REGNUM* news agency which contain the “cold war” ideologeme.

As a result of the study, the authors demonstrate the differences in the practice of applying the ideologeme and the conditionality of these differences. They establish that the Soviet stage of the use of the ideologeme “cold war” is representative, while the Russian stage significantly expands and changes its functional possibilities.

Key words: politics; “cold war”; confrontation; crisis; ideology; media; journalism; content

For citation: Amirov, V. M., & Glebovich, T. A. (2023). Ideologema “kholodnaia voina”: aspekty funktsionirovaniia v istoricheskom i sovremennom mediaprostranstvakh [“Cold War” Ideologeme: Aspects of Functioning in Historical and Modern Media Spaces]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(1), 80–95. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.005>

Submitted: 13.12.2021

Accepted: 26.01.2023

Введение

Политическое противостояние во взаимоотношениях России и Запада, возникшее после «крымских» событий 2014 г., актуализировало, казалось бы, ушедшую в историю идеологему «холодная война», широко применяемую сегодня

для анализа внешнеполитических событий. Идеологизированные понятия «новая холодная война», «холодная война 2.0», «холодная война XXI века» снова вошли в активный лексикон российских общественно-политических СМИ. Тем не менее, невозможно не заметить существенные отличия функционирования идеологема в современных и написанных несколькими десятилетиями ранее медиатекстах.

В работах российских исследователей отмечаются идеологическая обусловленность и соответствующие интенции использования в медиатекстах названного лингвистического феномена. В частности, М. М. Бахтин указывает на то, что «идеологема — это экспликация, способ репрезентации той или иной идеологии» [Бахтин, с. 101]. И. Т. Вепрева и Т. А. Шадрина утверждают, что «единицей идеологической системы, находящей свое вербальное выражение, знаком идеологии является идеологема» [Вепрева, Шадрина, с. 124], М. Н. Ляшева определяет, что «репрезентанты идеологических смыслов получили лингвистическое терминологическое обозначение — “идеологема”» [Ляшева, с. 5]. Об этом же рассуждает Е. Г. Малышева, которая констатирует устойчивость представлений об идеологема «как о собственно вербальной единице, репрезентирующей базовые идеологические установки» [Малышева, с. 34].

Определяя функцию идеологема, Н. И. Клушина считает, что она управляет сознанием масс, «ориентируя его в заданном направлении» [Клушина, с. 56]. По мнению исследователя, идеологема — динамическое образование, обладающее изменчивостью и неувимостью для сознания.

Н. А. Купина утверждает, что в тоталитарном языке идеологемой может быть любое слово, которое непосредственно связано с идеологическим денотатом [Купина, 2006, с. 91]. Она же отмечает, что идеологемой является «вербально выраженная политическая или политизированная идея» [Купина, 2000, с. 182–183]. Г. Ч. Гусейнов в качестве ключевого признака идеологема называет «документированное узнавание подобного текста / его фрагмента / слова в качестве таковой современниками» [Гусейнов, с. 37], а также классифицирует формы репрезентации идеологема в соответствии с уровнями реализации языковых единиц.

О. А. Кузина исследует дискурсивные связи идеологема и устанавливает, что ее (идеологема) функциональные возможности связаны со следующими свойствами: наличие оценки по отношению к обозначаемому явлению, интенция управления восприятием и интерпретацией событий, включенность в исторически (политически) маркированный временной промежуток и конфликтную парадигму «свои — чужие», заложенная в структуре феномена повторяемость и обусловленная общим политическим контекстом картина мира [Кузина].

В исследовании Е. В. Каблукова вводится термин «официальные идеологема», к ним автор относит «идеологема, составляющие государственную идеологию, которая формируется в выступлениях высших должностных лиц и распространяется посредством государственной пропаганды» [Каблуков, с. 84].

Именно к такому типу относится идеологема «холодная война».

Понятие «холодная война», широко употребляемое в текстах как советских, так и современных российских СМИ, имеет все признаки идеологемы: является единицей государственной коммуникации и пропаганды (и объектом рефлексии по поводу официальной позиции), узнаваема современниками, содержит политическую оценку.

Исследователи достаточно однозначно очерчивают исторический период возникновения глобальной политической ситуации, определяемой при помощи рассматриваемой идеологемы — окончание Второй мировой войны и прекращение союзнических отношений между США и Советским Союзом: «Холодная война началась сразу после окончания Второй мировой и распада антигитлеровской коалиции» [Шустов, с. 126]. Временем окончания политической конфронтации (так называемой «холодной войны») считается период конца 80-х и начала 90-х гг. XX в., когда состоялись такие знаковые события, как самороспуск Организации Варшавского договора и распад Советского Союза.

Лингвистическая история феномена началась в 1945 г.: словосочетание впервые употребил известный писатель Д. Оруэлл в статье «Ты и атомная бомба». Позднее под ним стали понимать «состояние острой политической, экономической, идеологической и военной конфронтации и противоборства на мировой арене между США и их союзниками с одной стороны, СССР и его союзниками с другой» [Холодная война, с. 1568].

Резкое обострение военно-политической обстановки между РФ и коллективным Западом, последовавшее после присоединения Крыма к России (2014), вернуло идеологеме «холодная война» в медиатексты российских и мировых СМИ. В плане политических предпосылок актуализации лингвистического явления исследователи говорят о большей напряженности современного противостояния по сравнению с событиями ушедшей эпохи. Декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ С. А. Караганов отмечает, например, что «надо признать очевидное — разворачивается новая холодная война и России следует думать, как выйти из нее победителем» [Караганов].

Однако есть основания предполагать, что снова ставшая популярной идеологема испытала значительную трансформацию и отражает в настоящее время несколько иные политические смыслы. На значительную разницу в политическом базисе «холодной войны» нового времени по сравнению с «холодной войной» прошлых лет указывает академик РАН С. М. Рогов: «Во-первых, в нынешнем противостоянии нет идеологического конфликта. Во-вторых, нет глобального соперничества двух социально-экономических систем. Мир имеет не биполярную, а полицентричную структуру... В этом конфликте практически не участвует целый ряд других важных игроков, таких, как, например, Индия или Бразилия» [Рогов, с. 279].

Для выяснения сути произошедшей трансформации обратимся к текстам советских («Советская Россия», «Красная звезда», «Труд», «Комсомольская правда», «Правда») и российских («Российская газета», «Независимая газета», «Известия», «Лента.ру», «ИА РЕГNUM», «Новая газета») изданий двух

периодов — конца 1970-х — начала 1980-х гг. (времени значительной интенсификации «холодной войны») и «посткрымского» (с 2014 г.). Всего нами отобрано для изучения более 500 текстов, в статье представлено более 50.

Анализ медиатекстов

Рассмотрим некоторые механизмы трансформации идеологема «холодная война» в публикациях отечественных СМИ от советского этапа до современного.

Советский период функционирования идеологема «холодная война»

Ретроспектива представления идеологема в медиатекстах фиксирует ее базовые характеристики и функции. Выделим несколько важных аспектов.

1. В печатных СМИ подчеркивается, что «холодная война» ведется США и странами Запада против Советского Союза и его союзников по Варшавскому договору, т. е. присутствует маркер парадигмы «свои — чужие»:

Сколько раз в эти недели я встречался со специалистами «горячей» и «холодной» войны, и всякий раз повторялось одно и то же: вежливое обращение, любезный разговор, шутки, но под всем этим — накаленная, бурлящая, слепая враждебность к новому, социалистическому миру [Жуков].

2. Идеологема формирует однозначную и хорошо понятную всем участникам медийной коммуникации картину мира:

О нынешних настроениях в Вашингтоне красноречиво говорит многое. Последние выступления президента Картера от начала до конца проникнуты духом «холодной войны» [Мирский];

Англия все решительнее вступает в холодную войну [Пономарев, 1980а].

3. Содержательное наполнение идеологема позволяет выстроить систему оценок политических действий. Роль идеолога «холодной войны» отводится США, остальные страны Запада подчинены американской политике, не противостоят старшему партнеру:

Легко поддаваясь нажиму из-за океана, они фактически выступают в роли пособников авантюристической линии нынешней американской администрации, направленной на подрыв разрядки напряженности и развязывание «холодной войны» [Пономарев, 1980б].

Кроме того, идеологема включается в публицистические средства выразительности, наделенные функцией оценки и эмоциональным модусом (ирония):

Мы, — добавил этот теоретик «холодной войны» — приняли решение нарастить военный бюджет, разместить новые ракеты в Западной Европе... [Выступление Бжезинского].

4. Использование идеологемы позволяет сделать акцент на неноминальных участниках конфликтной политической коммуникации — выгодополучателях глобальной конфронтации:

Возврат вашингтонской администрации к политике времен «холодной войны» уже вызвал резкое повышение акций компаний — производителей вооружений. Фабриканты смерти потирают руки [Конобеев].

5. Присутствие идеологемы выстраивает обращение к прецедентным политическим событиям [Красных, с. 170] с целью обоснования оценочных аргументов и тенденциозной стратегии коммуникации:

Ее стержень — в опасном сползании США к политике конфронтации и вражды... в стремлении возродить на международной арене атмосферу напряженности и «холодной войны» [Гаврилов].

Также идеологема становится мерой качества политических отношений двух стран:

Это относится буквально ко всем сферам советско-американских отношений. Взят курс на их свертывание до того минимума, который имел место в период «холодной войны» [Сиснев, 1980a].

Кроме того, может использоваться как критерий оценочного сравнения при анализе текущих политических процессов:

Последний перед очередными выборами отчет нынешнего президента, имеющий форму послания конгрессу и именуемый «О положении страны» составлен так, как будто на дворе не январь 1980 года, а разгар «холодной войны» [Сиснев, 1980б].

6. Идеологема номинирует не только прецедентную политическую ситуацию [Красных, с. 170], но и прецедентное историческое время [Там же]:

Это решение, если оно будет осуществлено, грозит омрачить политический климат в Европе и во всем мире, воскресить времена «холодной войны» [Шашков].

Номинированное прецедентное время приобретает новые характеристики, уподобляется времени мифа и позволяет создать метафизический фундамент для интерпретации тех или иных текущих политических ситуаций.

7. Происходит проблематизация образа страны-представителя западного мира. В материалах СМИ устанавливается, что действия США создают значительные препятствия для целостного развития остального макросоциума, вытягивают другие государства в ненужное противостояние:

Холодная война выползает из своих окопов. Многие добрые начинания, которые принесли с собой семидесятые годы, могут быть перечеркнуты [Поляков].

Кроме того, в публикациях определяется цель межгосударственной политической коммуникации со стороны стран Запада. В соответствии с советской

идеологической парадигмой этой целью является формирование негативного контекста, должного приучить общественное мнение к идее неизбежной войны двух стран:

Администрация США развернула сейчас антисоветскую активность в духе «холодной войны» в ООН и НАТО, лицемерно пытаясь создать видимость, будто Вашингтон крайне обеспокоен усиливающейся угрозой миру [Григорович].

Идеологема в данном случае актуализирует в сознании читателей соответствующие негативные образы и выступает в качестве инструмента управления процессом интерпретации текущих событий.

В рассмотренных примерах идеологема «холодная война» встраивается в парадигму оценочно маркированных и многократно реплицированных в СМИ средств выразительности и в целом в парадигму идеологически выверенной медийной коммуникации, обладает строго определенными функциями, которые реализуются в тех или иных контекстах, используются для создания традиционного (для периода) политического медийного текста.

Современный период функционирования идеологемы «холодная война»

Названный период определяется расширением функциональных возможностей идеологемы и трансформацией ее качественных характеристик.

Рассмотрим бытование идеологемы в типологической оппозиции официальных и оппозиционных СМИ. Прежде всего следует отметить, что количество употреблений устойчивого сочетания слов в оппозиционном СМИ, в частности, на протяжении календарного года (01.09.2020–01.09.2021) существенно отличается от показателей правительственных изданий. Так, если в «Российской газете» можно обнаружить порядка 400 случаев использования идеологемы и в «Известиях» порядка 350, то в «Новой газете» данная языковая единица встречается около 20 раз в текстах различных жанров и тематик.

Идеологема «холодная война» в СМИ, поддерживающих официальную точку зрения

В названных (проправительственных) СМИ происходит актуализация традиционных функций языкового явления, а также их (функций) обновление и видоизменение.

Идеологема «холодная война» реализует **функцию критерия сопоставления политических ситуаций разных периодов**. Эксперты и журналисты как подчеркивают несомненное сходство исторических событий с нынешними внешнеполитическими проблемами, так и выделяют принципиальные отличия. В частности, лингвистическое явление представлено как артефакт исторической памяти и используется в качестве структурного элемента средства выразительности, направленного на создание контекста сравнения:

Замена нормального диалога между Москвой и Вашингтоном на «мегафонную дипломатию» — все это слишком напоминает, казалось бы, давно отправленную на свалку истории холодную войну [Батюк].

В иной ситуации наличие в тексте рассматриваемого феномена устанавливает внешнее сходство событий холодной войны советского периода и нынешней ситуации:

Визит проходит на фоне конфронтационных отношений РФ и США, напоминающих отдельные эпизоды холодной войны [Солдатов].

Видоизменяется структурно-семантическое наполнение идеологемы: в материале СМИ ставится вопрос о ее качественно новом содержании:

Холодная война не закончилась с распадом СССР. Она приобрела новые формы и более конкретные цели в политической конкуренции, которую никто не отменял. ...Холодная война — особая форма конкуренции [Ванин].

Журналист невольно фиксирует хрестоматийное свойство лингвистического феномена (приоритет маркирующей коннотации над денотатом) и определяет новые реалии функционирования идеологемы. Эти реалии — борьба за конкурентоспособность и ценностную компетентность государственной информационной стратегии. Использование в тексте переопределенного оценочного маркера открывает возможности для интерпретации текущей ситуации по идеологической модели. Содержательно обновленная идеологема становится инструментом конструирования упрощенной и узнаваемой реальности, обеспечивает присутствие в тексте симулякра биполярного мира и враждующих общественных систем.

Идеологема становится **предметом политической рефлексии**:

В холодной войне принципиальным было то, что друг другу противостояли государства с антагонистическими общественно-политическими системами. ...Сейчас же имеет место конфликт между разными моделями капитализма, имеющими не только отличия, но и общие черты — признание рыночной экономики и частной собственности [Худолей],

а также инструментом ревизии политических дискурсивных конструктов:

...в нынешнем противостоянии нет идеологического конфликта, как в первой холодной войне [Соломонов].

Вместе с тем часть авторов использует идеологически маркированное сочетание слов в конфронтационных и пропагандистских целях:

И всё новые и новые санкции показывают, что Соединенные Штаты Америки переходят к тому, что я называю уже не холодной войной против России, а к «ледяной войне» против России [Пушков рассказал о «ледяной» войне...].

Только в отличие от советского периода продвигается не реальное идеологическое противостояние, а конструкт, симулякр биполярного мира, рассчитанный на активизацию исторических ассоциаций и культурной памяти.

Экономическая конкуренция, многогранное, требующее разностороннего анализа явление, а также связанная с ней информационная борьба за право управления глобальными политическими и ценностными контекстами трансформируются в узнаваемые конструкты и языковые пропагандистские решения. В результате аналитика заменяется констатацией, открытый вопрос для дискуссии новой («ледяная война») формулой.

Цель подобной коммуникации очевидна и детерминируется целым рядом немедийных причин. Подмена публичной интерпретации политических решений и событий предложением готового ответа, подразумеваемого как единственно правильный, связана с традиционными задачами идеологема. Другое дело, что в контексте современной информационной избыточности названная попытка управления массовым сознанием вряд ли рассчитана на внедрение желательной точки зрения и подчинение массового сознания правильной оценке событий. Скорее использование узнаваемой идеологема направлено на реставрацию алгоритма мышления, на актуализацию привлекательной в своей простоте парадигмы биполярных представлений о мире.

Идеологема «холодная война» в оппозиционном издании

Исследование функционала и характеристик идеологема «холодная война» в оппозиционном издании позволяет выделить ряд трансформаций лингвистического явления. Следует подчеркнуть, что в «официальных» изданиях тематические контексты идеологема — внутренняя и внешняя политика, тогда как в оппозиционном — это контексты культурной рефлексии, психологии глобального политического менеджмента, исследования исторических реалий, этических установок, духовных потребностей, а также стереотипных установок массового сознания. Присутствует, разумеется, и традиционный анализ политической ситуации, в рамках которого функционал идеологема расширяется.

Выделим потенциал функционирования идеологема в традиционном политическом контексте. В нашем представлении, одним из важнейших контекстов функционирования идеологема в материалах «Новой газеты» становятся метаданные (профессиональная принадлежность, сфера исследовательских интересов) авторов политической аналитики. Использование языкового феномена представлено в публикациях специалистов самого высокого уровня или со ссылкой на мнение (книги, исследования) таковых. В частности, дипломат и политолог Г. Ф. Кунадзе предлагает критический взгляд на текущую политическую ситуацию во взаимоотношениях России и Запада. Собственно идеологема в данном случае реализует функцию критерия сопоставления исторической и текущей политических ситуаций, предстает как прецедентный текст [Караулов, с. 216], характеризующий качество межгосударственных отношений:

В принципиальных вопросах внешней политики члены коллективного Запада смотрят на вещи плюс-минус одинаково. Удивляться здесь нечему: в полном объеме возродив философию и практику холодной войны, Россия своими руками подталкивает их к консолидации [Кунадзе].

Кроме того, автор вводит дополнительный исторически сложившийся термин («дисциплина холодной войны»), актуализирует таким образом внутренние дискурсивные связи лингвистического феномена, а также использует идеологему в ее исконной функции — политической оценки ситуации:

В старые времена эту консолидацию называли дисциплиной холодной войны [Кунадзе].

Еще один пример оценочного функционирования идеологемы можно обнаружить в материале Л. М. Млечина. Переопределение содержательного наполнения идеологемы, предлагаемое журналистом, становится способом прямой оценки политической ситуации. Авторский вывод облекается в форму идейно маркированной номинации с полностью обновленным содержанием:

Холодная война — это трагедия ошибок, непонимания мыслей, намерений и устремлений иной стороны. И чем хуже понимают, тем больше ненавидят и боятся друг друга. Торжество подозрительности! [Млечин, 2021a].

Рассмотрим блок публикаций, в которых идеологема является атрибутом анализа исторических причин тех или иных политических ситуаций. Общим для всех материалов является то, что идеологема реализует свою номинативную функцию, обозначая определенную историческую эпоху с известными политическими сценариями, моделями государственной и межгосударственной коммуникации и стандартами политического и общественного сознания. При этом интенции и аналитическая модель публикаций подобного рода приближаются к научным исследованиям (или представляют собой выдержки из таковых, медийную рефлексию спикеров относительно уже проведенной научной работы). Так, историк культуры, профессор Шеффилдского университета (Великобритания) Е. А. Добренко использует устойчивое словосочетание в традиционной функции — обозначает идеологически и политически маркированную эпоху в жизни страны:

Затем эпоха Большого террора... А в 1946 году начинается холодная война... Три поколения людей жили в состоянии насилия и террора. Какого лидера могла иметь такая страна? Сталин не был чертом из табакерки, он был логичным, закономерным продуктом этой перманентной войны [Тимофеева].

Тем самым автор детерминирует определенные социально-психологические характеристики лидера государства.

Журналист Л. М. Млечин выстраивает в своей публикации модель мышления руководителей высшего эшелона власти эпохи 1960–1980-х гг., используя идеологему для номинирования как самой эпохи, так и соответствующей ей системы ценностей и приоритетов:

Западные дипломаты много раз пытались обсудить с советским министром иностранных дел Андреем Громыко положение в Камбодже... Холодная война имела

определенную логику. Сверхдержавы нуждались в союзниках и сателлитах: чем их больше, тем лучше [Млечин, 2021б].

Можно предположить, что помимо номинативной (наименование исторического периода) идеологема косвенно реализует и оценочную функцию, являясь общеизвестным (прецедентным) обозначением не только временного отрезка, но и соответствующих ему моделей политической коммуникации, социально-психологических характеристик лидеров государства, общепринятых представлений о моделях межгосударственного взаимодействия.

Также в текстах указанного автора термин «холодная война» используется для обозначения последовательности исторических событий, хронологические рамки которой могут быть основой для анализа как прошлой, так и современной политических ситуаций:

Историю прошлой холодной войны принято отсчитывать от фултонской речи Уинстона Черчилля. Но когда в марте 1946 года бывший британский премьер говорил о железном занавесе... холодная война уже началась [Млечин, 2020].

Именно в контексте реализации номинативной функции, связанной со знаковыми историческими событиями, можно рассматривать и использование идеологема в материале А. Минеева. Поставленная автором этическая проблема ответственности за политические решения приобретает вследствие использования рассматриваемого термина дополнительный интерпретационный потенциал:

В международном сообществе давно зрела идея юридического органа, который бы на постоянной основе занимался уголовным преследованием лиц, ответственных за геноцид и другие преступления сравнимой тяжести. ...Но наступила «холодная война», и у каждого лагеря утвердились свои списки преступников и жертв [Минеев].

Содержательный потенциал и коннотации идеологема становятся лаконичным идиоматическим ответом на представленный в материале глобальный этический вопрос. Начало политического процесса, номинируемого устойчивым словосочетанием, нивелирует дипломатические и общественные усилия по разрешению проблемы преступлений против человечности в мировом правовом пространстве.

В этом смысле показательно рассмотрение содержательного наполнения идеологема «холодная война» известным дипломатом П. Р. Палажченко. В своей книге представитель дипломатического корпуса подвергает аналитическому осмыслению алгоритмы формирования отечественной политики в исторические перестроечные годы. Автор пытается спрогнозировать возможные сценарии политических событий, в зависимости от конкретных решений советского руководства:

Реши тогда Горбачев, что надо вмешаться... и холодная война, едва утихнув, началась бы с новой, еще более опасной силой [Палажченко].

Обратимся к примерам культурологического, историко-культурного осмысления рассматриваемой идеологемы. В колонке писателя Д. Ю. Петрова ставится вопрос о создании метафизического обоснования для конфронтационной коммуникации Россия — Запад. Идеологема в предложенном контексте номинирует ситуацию политического конфликта и вместе с тем выступает в качестве единицы анализа и объекта дискуссии:

Стоит гражданам включить утюги — из них несутся марши новой холодной войны. Но разве холодная война — не следствие идейного конфликта советского блока и Запада, СССР и США? И разве Николай Патрушев не заявил, что «у российского и американского народов нет поводов для вражды, нас не разделяет, как ранее, идеология [Петров].

По замыслу автора, номинируемой идеологемой политический и историко-культурный процесс отражает столкновение ментальных установок и экономических интересов в современном российском обществе.

В материале А. А. Гениса функционирование идеологемы рассмотрено в повседневном бытовом и повседневном политическом контекстах:

Будучи задником нашей незрелой жизни, Холодная война казалась монотонной и вечной приметой, словно дожди и очереди. Холодная война, в отличие от всех остальных, представлялась нам вечной — безоговорочным условием существования двух сверхдержав [Генис].

Автор в едва ли не литературной форме повествует о смазывании и десемантизации идеологического содержания и пафоса в рассматриваемом языковом конструкте, о десакрализации идеологических установок и скреп, о трансформации идеологемы в фоновый текст.

Подобного рода культурологический экскурс необходим А. А. Генису для анализа реставрации исторического понятия и политических сценариев, а также для анализа отклонений от традиционных идеологических моделей политического поведения:

Впрочем, какими бы ни были истоки новой Холодной войны, они не тянут на прежнее тотальное противостояние... Новая Холодная война не столько борется с врагами, сколько множит их. Вместо эпического размаха Карибского кризиса или ужасной драмы Вьетнама, вместо колониальных войн глобальной схватки двух миров — хакеры и незадачливые шпионы, которые ведут себе по-пацански: не победить, а нагадить, чтобы знали, помнили и побаивались [Там же].

Можно предположить, что целью авторского публицистического исследования становится интерпретация современных политических событий с позиции культурологической деконструкции, с позиции выявления массовых ментальных потребностей и установок, допускающих фоновую агрессию и перманентную коммуникативную конфронтацию.

Заключение

В исторической ретроспективе репрезентацию идеологема «холодная война» можно охарактеризовать как хрестоматийную, поскольку в процессе функционирования в медийно-политическом дискурсе рассматриваемый феномен демонстрирует воплощение своих базовых свойств, а также традиционные взаимодействия с другими языковыми единицами. В качестве дополнительного функционального свойства исследуемой идеологема можно выделить актуализацию памяти о типе конфликтной коммуникации и выстраивание коммуникативного взаимодействия с бывшим ранее прецедентным событием.

В целом исторический этап бытования идеологема «холодная война» можно определить как репрезентационный: все функциональные потенции лингвистического феномена работают на представление существующей биполярной картины политического мира, снабженной хорошо структурированным оценочным инструментарием и предсказуемым набором общепринятых интерпретаций.

Российский этап развития идеологема различается в зависимости от типологической принадлежности медиа. В изданиях, репрезентирующих официальную точку зрения, российский этап бытования идеологема направлен на конструирование упрощенной картины мира (биполярной вместо полицентрической) и на подмену полицентрической аксиологической системы жесткой идеологической парадигмой. Функционал идеологема не только расширяется, но и становится амбивалентным: предполагает использование последней как в качестве критерия сравнительного анализа и компонента политической рефлексии, так и инструмента интерпретационного манипулирования, рассчитанного на некритическое восприятие. Контекстной картой функционирования идеологема становятся противостояние аксиологических систем и центров продуцирования ценностей, борьба за информационное влияние и информационно-ценностную компетентность, за интенсивность информационных потоков, за право управления мировыми политическими контекстами.

В оппозиционных изданиях комплекс традиционных функций идеологема репрезентирован как общеизвестный, он (комплекс функций) выступает в роли общих фоновых знаний автора и аудитории и позволяет достичь целого ряда аналитических результатов: создать систему контекстов рассматриваемой проблемы, актуализировать исторические ассоциации и использовать во взаимодействии с аудиторией модели диалогически ориентированного сравнительного анализа, зафиксировать (через культурно и ассоциативно нагруженное номинирование) аналогии в исторических и современных политических процессах, благодаря негативным ассоциативным связям и отрицательным коннотациям идеологема обратить пристальное, в том числе эмоционально обусловленное внимание читателей на когнитивные диссонансы в современных политических коммуникациях и решениях и их неоднозначные последствия. В целом из субъектно управляемого инструмента коммуникации идеологема трансформируется в объект рефлексии и аналитических размышлений, но не уменьшает

свой конфликтогенный потенциал. Наоборот, встраивает аналитическую отсылку к исторической картине мира в актуальную конфронтационную проблематику, тем самым формирует предысторию и прогноз политического коммуникативного конфликта.

Источники

- Батюк В.* После украинского кризиса — новая холодная война // *Международная жизнь*. 2014. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1122> (дата обращения: 10.12.2021).
- Ванин Г.* Кому выгодно холодная война // *ИА РЕГНУМ*. 2021. 27 апр. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3254910.html> (дата обращения: 10.12.2021).
- Выступление Бжезинского // *Красная звезда*. 1980. 23 февр.
- Гаврилов Ю.* Доктрина агрессии и диктата // *Красная звезда*. 1980. 27 янв.
- Генис А.* Тыгыдык. Холодная война № 2 // *Новая газета*. 2021. 28 мая.
- Григорович В.* Агрессивные лицемеры // *Советская Россия*. 1980. 10 июня.
- Жуков Ю.* Разговоры о войне и мире // *Правда*. 1969. 8 апр.
- Караганов С.* Шанс, который нельзя упустить // *Российская газета*. 2021. № 139.
- Конобеев В.* Деньги, пахнувшие порохом // *Комсомольская правда*. 1980. 22 янв.
- Кунадзе Г.* Путь изгоя // *Новая газета*. 2021. 5 июля.
- Минеев А.* Майдан, Донбасс и Крым, встать! // *Новая газета*. 2020. 16 дек.
- Мирский З.* Евроракеты и демагогия НАТО // *Красная звезда*. 1980. 29 янв.
- Млечин Л.* Кровожадины // *Новая газета*. 2020. 18 сент.
- Млечин Л.* Время надежды почти истекло // *Новая газета*. 2021а. 25 янв.
- Млечин Л.* «Вышли за рамки» // *Новая газета*. 2021б. 29 апр.
- Палажченко П.* Наша позиция все время на шаг-два отставала от хода событий // *Новая газета*. 2020. 23 нояб.
- Петров Д.* Русская труба // *Новая газета*. 2021. 19 апр.
- Поляков Н.* Скрытые мины // *Советская Россия*. 1980. 6 янв.
- Пономарев М.* Агрессивный курс тори // *Красная звезда*. 1980а. 3 февр.
- Пономарев М.* Уступая нажиму из-за океана // *Красная звезда*. 1980б. 28 февр.
- Пушков рассказал о «ледяной» войне США против России // *Известия*. 2020. 23 дек.
- Сиснев В.* Доктрина с запахом пороха // *Труд*. 1980а. 25 янв.
- Сиснев В.* Задачи «Белого дома» // *Труд*. 1980б. 11 марта.
- Солдатов А.* Немного солнца в холодной войне // *Новая газета*. 2021. 15 июля.
- Соломонов Ю.* «Холодная война 2.0» уже идет // *Независимая газета*. 2021. 19 авг.
- Тимофеева О.* «Сталина называли Чингисхан с телефоном» // *Новая газета*. 2021. 26 мая.
- Худолей К.* Россия и Запад: вторая «холодная» или первая «прохладная» // *Россия в глобальной политике*. 2020. 9 нояб. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-prohladnaya> (дата обращения: 10.12.2021).
- Шашков Е.* Вехи борьбы за мир // *Советская Россия*. 1980. 4 янв.

Исследования

- Бахтин М. М.* Слово в романе // *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет*. М. : Худож. лит., 1975. С. 72–233.
- Вепрева И. Т., Шадрина Т. А.* Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // *Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права*. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 120–131.

- Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М. : Три квадрата, 2003.
- Каблуков Е. В. Официальные идеологемы: специфика функционирования в современном российском медиадискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. 11 (6): Журналистика. С. 84–88.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.
- Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003.
- Кузина О. А. Идеологема как ключевая категория медиадискурса в период информационной войны (на примере освещения в англоязычной прессе событий на Украине в 2013–2014 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8–1 (86). С. 110–115. <http://dx.doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.26>
- Кутина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня / под ред. Л. П. Крыгина. М. : Азбуковник, 2000. С. 182–189.
- Кутина Н. А. Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала // Речевое общение. 2006. № 8–9 (16–17). С. 81–89.
- Ляшева М. Н. Функционирование идеологем в современном развлекательном интернет-дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2019.
- Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 32–40.
- Рогов С. М. Новая холодная война: последствия для российского общества // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 279–292. <http://dx.doi.org/10.31857/S0869587320030196>
- Холодная война // Военный энциклопедический словарь / редколл.: А. П. Горкин, В. А. Золотарев и др. М. : Большая российская энциклопедия : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. С. 1568.
- Шустов А. Н. Из истории слов и выражений «железный занавес» и «холодная война» // Русская речь. 2005. № 1. С. 123–127.

References

- Bakhtin, M. M. (1975). Slovo v romane [Word in the Novel]. In M. M. Bakhtin, *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniia raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years] (pp. 72–233). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Guseinov, G. Ch. (2003). *Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh* [Soviet Ideologues in the Russian Discourse of the 1990s]. Moscow: Tri kvadrata.
- Kablukov, E. V. (2012). Ofitsial'nye ideologemy: spetsifika funktsionirovaniia v sovremennom rossiiskom mediadiskurse [Official Ideologemes: Peculiarities of Functioning in Modern Russian Media Discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: istoriia, filologiia*. 11(6): Zhurnalistika, 84–88.
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian Language and Linguistic Persona] (7th ed.). Moscow: LKI.
- Kholodnaia voina [Cold War]. (2002). In A. P. Gorkin, & V. A. Zolotarev (Eds.), *Voennyi entsiklopedicheskii slovar'* [Military Encyclopedic Dictionary] (p. 1568). Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia; RIPOL KLASSIK.
- Klushina, N. I. (2014). Teoriia ideologem [Theory of Ideologemes]. *Politicheskaiia lingvistika*, 4 (50), 54–58.
- Krasnykh, V. V. (2003). "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? [At Home among Strangers: Myth or Reality?]. Moscow: Gnozis.

Kuzina, O. A. (2018). Ideologema kak kliuchevaia kategoriia mediadiskursa v period informatsionnoi voiny [Ideology as a Key Category of Media Discourse During the Information War]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8–1 (86), 110–115. doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.26

Kupina, N. A. (2000). Iazykovoe stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem [Language Construction: From the System of Ideology to the System of Culture]. In L. P. Krysin (Ed.), *Russkii iazyk segodnia* [Russian Language Today] (pp. 182–189). Moscow: Azbukovnik.

Kupina, N. A. (2006). Totalitarnye ideologemy i mifologemy na stranitsakh raionnykh gazet Urala [Totalitarian Ideologemes and Mythologemes on the Pages of Regional Newspapers in the Urals]. *Rechevoe obshchenie*, 8–9 (16–17), 81–89.

Lyasheva, M. N. (2019). *Funktsionirovanie ideologem v sovremennom razvlekatel'nom internet-diskurse* [The Functioning of Ideologemes in the Modern Entertainment Internet Discourse] (doctoral dissertation). South Federal University, Rostov-on-Don.

Malysheva, E. G. (2009). Ideologema kak lingvokognitivnyi fenomen: opredelenie i klassifikatsiia [Ideologeme as a Linguo-Cognitive Phenomenon: Definition and Classification]. *Politicheskaiia lingvistika*, 4(30), 133–134.

Rogov, S. M. (2020). Novaia kholodnaia voina: posledstviia dlia rossiiskogo obshchestva [The New Cold War: Consequences for Russian Society]. *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk*, 90(3), 279–292. <http://dx.doi.org/10.31857/S0869587320030196>

Shustov, A. N. (2005). Iz istorii slov i vyrazhenii “zheleznyi zaves” i “kholodnaia voina” [From the History of the “Iron Curtain” and “Cold War” Expressions]. *Russkaia rech'*, 1, 123–127.

Vepreva, I. T., & Shadrina, T. A. (2006). Ideologema i mifologema: interpretatsiia terminov [Ideologeme and Mythology: Interpretation of Terms]. In *Nauchnye trudy professorov Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniia i prava* [Scholarly Works of Professors of the Ural Institute of Economics, Management, and Law] (Iss. 3, pp. 120–131). Ekaterinburg: Ural University Press.

Амиров Валерий Михайлович

доктор филологических наук,
профессор кафедры периодической печати
и сетевых изданий
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: vestnik-va@mail.ru

Глебович Татьяна Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры периодической печати
и сетевых изданий
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: tatanova11@gmail.com

Amirov, Valery Mikhailovich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Periodicals and Online
Publications
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: vestnik-va@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>
Scopus AuthorID: 57214085834
WoS ResearcherID: AAU-2983-2021

Glebovich, Tatiana Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Periodicals and Online
Publications
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: tatanova11@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5965-0126>